

16+

Повесть

НА ОСТРОВЕ МИЛЕНА

Демьяненко Н.А.

Наталья Александровна Демьяненко

На острове Милены

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63423078

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99707-3

Аннотация

Главной героине повести "На острове Милены" ох как не до мистики. У неё друзья, учёба, она влюблена – всё, как положено, когда тебе всего-то пятнадцать лет. Однако, случилось так, что ещё в раннем детстве Милена, утратившая возможность видеть окружающий мир, тогда же приобретает удивительную особенность узнавать о событиях из прошлого или будущего знакомых ей людей. Знание Милены, которое всегда наступает спонтанно, то и дело вовлекает свою обладательницу в самые разные приключения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Наталья Демьяненко

На острове Милены

Глава 1

Дар речи, дар ясновидения. Наверно, потому что эти преимущества подчёркивают человеческую уникальность. Дар речи выделяет нас в мире животных. А дар ясновидения делает особенными среди себе подобных.

Я бы иначе расставила акценты. Я лишена дара видеть, Дара, да. Дара создателем всему живущему. Понять это может только тот, кто имел и лишился зрения. Зато у меня есть способность предвидеть некоторые события. Лучше бы наоборот.

Свою необычность даром не называю. Называю знанием. Или Знанием. Никаких снов и видений. Это именно знание. Событие ещё не произошло, а я его уже ощущаю, помню. А бывает, я знаю то, что произошло, но чего знать не должна бы по разным причинам. Вы скажете, как, вероятно, здорово и интересно жить с такими способностями. Поверьте, я отказалась бы от них с радостью, поменяв на счастье видеть,

не предвидеть, а просто видеть окружающий мир.

Меня зовут Милена Барсова. До пяти лет я ничем не отличалась от других детей.

В семье я поздний ребёнок, поэтому, сколько себя помню, постоянно нежилась в обожании своих близких. Мама, папа. Брат, который на четырнадцать лет меня старше.

Папа... Да, папа меня боготворил. В тот последний день моей жизни, счастливой жизни "до" мы отправились с ним навестить бабушку, папину маму. Я тогда всё клянчила, чтобы отец купил мне мороженное.

— А кто от кашля недавно лечился? — говорил папа, расстраиваясь от того, что не может удовлетворить мою прихоть.

Я уже знала, что холодного лакомства не получу, но продолжала канючить, понимая, что взамен запрещённого можно выпросить много других приятных вещей.

И точно! Мы останавливались, чтобы я покаталась на качелях, похожих на огромные весы.

Потом папа купил мою любимую слоёную трубочку с варным кремом и маленькую бутылочку с каким-то напитком, пахнущим апельсином. Я медленно, растягивая удовольствие, угощалась пирожным, то и дело запивая его сладкой газировкой. Это было очень приятно, я даже, кажется, слегка прикрыла глаза, потому что так и не поняла, почему вдруг... Резкий поворот вправо, лимонад плеснул мне в ли-

цо.... Ещё поворот вправо... Ещё.... Ещё...

Помню, как ненадолго придя в сознание, чувствуя на лице что-то липкое, я всё время думала про лимонад, удивлялась, почему он больше не пахнет апельсином.

В тот день я потеряла отца.

А ещё стала слепой. Травма головы во время аварии оставила свой обесцвечивающий мир отпечаток на всю жизнь. А однажды я поняла, что это не последнее изменение, произошедшее со мной после того рокового дня.

Я изводила мать воплями:

– Больно! Больно! Не пойду!

– Где больно, где? – мама нервничала, никак не могла понять причину моего отказа идти в магазин. А я и сама не могла понять толком, откуда эта уверенность, что если пойду с мамой, будет больно.

– Не могу я тебя дома одну оставить. Прекрати капризничать! – уговаривала мама.

– Я куплю тебе в магазине новую кассету, хочешь?

О, от кассет со сказками или музыкой я отмахнуться не могла ни при каких обстоятельствах. Здоровущий музыкальный центр и кассеты занимали тогда основную часть моей жизни и моей комнаты. Это сейчас у меня компьютер с голосовым синтезатором. Тут тебе и книжки, и игры, а, главное,

много-много музыки. А тогда были кассеты.

До магазина мы так и не добрались. Я поскользнулась и вывихнула ногу.

Больно, больно, больно, – кричала я уже обоснованно.

Примерно неделю спустя к маме пришла подруга тётя Таня с сыном Ромой.

– Ты совсем-совсем ничего не видишь, – спросил Рома.

– Совсем – отозвалась я.

– И меня не видишь?

– Не вижу.

– А как же ты живёшь?

– Нормально.

И тут мои руки как будто вспомнили ощущение чего-то бархатистого, тёплого, очень живого. В сердце закопошилась нежность, впрочем, не без зависти к этому Роме с бесцветным сереньким голосом.

Ну да, у меня так. Я не вижу, но хорошо помню цвета. И голоса людей мысленно представляю каким-нибудь цветом. Например, у моей мамы голос жёлтенький, как цыплячий пух. Этим своим голоском она совершенно не умеет говорить строго. Даже если очень сердится.

У Брата Гриши голос синий-синий. Сумасшедше красивый. У моей подруги и одноклассницы Наташки голос меняется в зависимости от настроения. Помните, радуга: каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Ну,

до последних двух дело не доходит. Но то, что от яркого звучного голоса, будучи в дурном настроении, подруга ставит всех на место звуком, который даже с большой натяжкой трудно назвать мелодичным, – это точно.

Так вот у этого Ромы голос был никакой. Наверно, когда он вырастет, он станет обладателем густого чёрного баса.

– Какой у тебя котёнок миленький, – сменила я тему. Не то, чтобы задевало, когда обсуждали мой недуг, просто, что там обсуждать-то? Скучно.

– У меня нет котёнка – удивился мой собеседник – я давно прошу родителей, но они говорят, что кошку хорошо держать в деревенском доме, чтобы мышей ловила, а в городской квартире незачем. Мышей нет. Придётся ждать, когда вырасту, – мальчик вздохнул, – С этим "вырасту" его разделяла целая вечность. – Заведу себе шесть кошек.

А котёнок в моих руках, Ромин котёнок, убаюкивающее замурлыкал.

Эта мамина подруга поселилась в нашем доме незадолго до описанной сцены... В нашем подъезде вообще принято поддерживать с соседями приятельские отношения. Мой брат Гриша живёт в квартире напротив. Женился на соседке Гале. А Гришин лучший друг, он же по совместительству моя первая любовь, Серёжа, до своего недавнего переезда занимал квартиру на два этажа выше. Вот и тётя Таня с Ромой тоже из нашего компанейского подъезда. Живут на первом этаже. Однажды в их почтовый ящик бросили письмо,

адресованное моей маме. Они живут в квартире №2, а наша – №12. Вот почтальон и ошибся. Тётя Таня принесла письмо сама. С тех пор они с мамой не разлей вода.

Через месяц после того, как я познакомилась с фантомным котёнком, мы были приглашены к Роме на день рождения.

И я увидела его, котёночка, которого только сегодня подарили счастливому имениннику. Бархатистый тёплый клубочек мурлыкал в моих руках.

Наступление Знания сама контролировать не могу. Зато оно помогает мне влиять на некоторые события. Не всегда.

– Гриш, возьми с собой зонт.

– Зачем? Погода хорошая. И прогноз отличный, да и сам вижу, на небе ни облачка.

– Возьми, Гриша. Ты же мокрый.

Я чувствовала его насквозь промокшую одежду.

Не взял, конечно. В результате пришёл домой до нитки промокший. Прогноз немного ошибся. Ливень шёл всего каких-то пять минут из неведь откуда взявшейся тучи. Брату хватило.

– Ясновидящая! – в голосе Григория слышалось даже подобие уважения.

В другой раз я попросила у мамы купить мне любимый

мною тогда шампунь "Дракоша" с фруктовым ароматом.

– В другой раз Милена, хорошо? Сейчас денег почти совсем не осталось.

Денег мало... Знание!

– Мам, переложи кошелёк из сумки в карман пальто.

– Зачем? Из кармана потерять гораздо легче, чем из сумки.

– Ну, переложи, пожалуйста.

Я ведь знала, что она не переложит кошелёк.

К счастью, зазвонил телефон. Аппарат тогда был у нас самый простой, с крутящимся диском и шнуром. И его нельзя было не то что взять с собой на улицу, но и перенести из комнаты в комнату.

Вот и славно. Я легко нашла на ощупь мамину сумочку. Она лежала на столике в коридоре с небрежно расстёгнутой наполовину молнией. В это-то отверстие и проскользнула моя рука без малейших затруднений; извлекла кошелёк. Я вдруг жутко разволновалась, чувствуя себя настоящим карманным вором. Вздохнула свободно только когда кошелёк перекачывал из моих пальцев в карман маминого пальто.

Пошла в свою комнату.

– Милена, я ухожу.

Хлопнула дверь.

Ура, не заметила!

– И можешь себе представить, – рассказывала мама вечером Грише, – чувствую лёгкость в руке. Только что была

сумка, и на-те, одна ручка болтается. Срезали. А у меня в кошельке последние деньги.

Стала кричать, да толку-то что. Советуют идти в милицию. И вот такое чудо. Руку в карман сунула, а там кошелёк.

– Я же говорила тебе, мама, не клади деньги в сумку, – встречаю я, – Чудо – это я. Я переложила кошелёк тебе в карман. Я же знала, что сумку украдут.

– Да откуда ты могла знать?

Представьте себя на маленьком острове. До большого берега рукой подать, там суeta жизни, там плохое и хорошее, а вы здесь на острове совсем одни.

Вот и я со своим Знанием нередко чувствую себя на таком острове. Люди совсем близко, но я одинока.

"Откуда ты можешь знать?" Этот вопрос я слышала раз двести. И это самое трудное – объяснить откуда. И Гриша был первый, кто пришёл на мой остров, который по аналогии с местом изгнанием Наполеона я в шутку называю островом слепой Милены. Так вот брат верит мне однозначно. Правда, и он не сразу понял, что от меня не зависит наступление откровения.

– Расскажи мне, пророчица Милена, сдам я завтра экзамен – спрашивал он меня, заканчивая последний курс института.

– Не знаю.

– Но ты же ясновидящая.

– Да ну тебя!

А вообще хочешь, скажу – нет, не сдашь.

Я смеялась, я действительно не знала, сдаст ли он экзамен.

Зато я знала именно тем своим Даром – Проклятием, чем занимался мой братец накануне экзамена с соседкой Гусей. Когда меня накрыло это Знание... Ну, что тут объяснять. Мне лет-то всего ничего было, а тут сцены из порнофильма. Смотри я фильм, я бы и не узнала, что там на экране делается. А здесь, как будто рядом с ними... Краснела и бледнела.

А вы говорите – Дар.

Экзамен братец тогда завалил – так ему и надо! – зато именно с тех пор твёрдо уверовал в мой талант. Забавно. Я ведь как раз про экзамен ничего не знала. А про другие открытия и его нежности с соседкой я, конечно, с Гришей не делилась.

Мама тоже постепенно поверила. Хотя и долго считала всё, со мной происходившее, простым совпадением.

Но, в общем-то, и она стала посетительницей моего острова.

Ещё подруга Наташка.

Но её мои провидческие признания почти всегда раздражали. Может, потому что я говорила ей то, что ей бы не хотелось слушать.

– Зря ты о нём думаешь – отвечаю я на восторженные излияния в сто какой-то раз влюблённой Наташки.

– Почему ты так считаешь? Или опять Знание твоё дурацкое?

– Ага, опять.

– Ну и держи его при себе. Сколько раз я просила.

А я стараюсь держать при себе, но не всегда получается. А когда и получается, не всегда считаю себя вправе скрывать. Такое чувство, как будто кто-то неведомый, кроме всего прочего, наложил на меня ответственность.

Ответственность решения, что лучше: промолчать и дать возможность надеяться, хоть и зря, или всё сказать, избавив тем самым от напрасных иллюзий. Скажите, что бы Вы выбрали?

Впрочем, всё это мелочи. А вот сегодня... Да что там говорить. Сегодня мне действительно тяжело. И я не знаю, что делать.

Глава 2

Мой город – Санкт-Петербург; Моя школа – а я ещё ученица – школа-интернат для слепых и слабовидящих детей имени Гротта; Мой класс 10 – лучший класс на свете.

В нашем классе учится всего девять человек. Из девяти полностью незрячие только мы с Наташей Кравчук и безусловный лидер коллектива Стёпа Горшин.

Марина Вульская – больной зуб нашего класса и лично мой, входит в число тех, у кого сохранён хоть и небольшой, но остаток зрения.

Марина Вульская... Голос у неё белый-белый. Говорит, как поёт. Да она и поёт. Закончила музыкальную школу, хоровое отделение.

Она и сама тоже безупречно белая. Просто боишься её испачкать одним своим аморальным присутствием. Она не прогуляла за всё время учёбы ни одного урока, не списала ни одной контрольной. Я не в состоянии представить Вульскую в детстве, намочившую, вопреки приличиям, хотя бы одну пелёнку.

Кстати, о контрольных. Знаете, как мы занимаемся? Прежде всего, и пишем, и читаем мы при помощи рельефного шрифта Брайля. На парту кладём прибор: такая металлическая штука. В этот прибор вставляется лист специальной брайлевской тетради, который фиксируется штифтами. Пи-

шем грифелем – похожим на шило инструментом. Учебники кладём на левый край парты. Мы уже давно привыкли пальцами левой руки считывать текст с книги, а правой – орудовать грифелем. Ничто не мешает при необходимости точно также читать шпаргалку, только по понятным причинам шпаргалки на парту не выкладывают. Зато в парте, как специально, устроена очень удобная полочка, расположенная прямо под крышкой рабочего места. Туда складываются как не нужные в данный момент тетради, прибор, книжки, так и заранее приготовленный листочек с подсказкой. Для того, чтобы воспользоваться шпорой, достаточно запустить одну руку под крышку парты, а другой списывать прочитанное. Остаётся только не забывать время от времени делать вид, что читаешь учебник. Сами понимаете, присутствие учителя в классе ведь никто не отменял. Особенно артистичные ученики иногда и притворяются озадаченными, как будто ломают голову над заданием. Но я это не приветствую. Зачем? Это уже прямое издевательство. Я хоть и не Вульская, но считаю, что у всего должен быть разумный предел.

Ну да это я к слову.

В конце полугодия класс ожидало нешуточное испытание: контрольная по алгебре. Материал был трудный. Контрольную боялись все, кроме отличников.

– Представляю, сколько двоек мы нахватаем, – сокрушённо сказала Наташа, когда наша учительница по математике, Вера Андреевна, объявила день контрольной.

– Не сомневаюсь, ответила Вера Андреевна. Ваш класс какой-то особенный. Вы даже списывать друг у друга толком не умеете. За всеми другими только и следы, а у вас это дело почему-то совсем не отлажено.

– Мы стараемся учиться честно, – отозвалась Вульская.

– Похвально, – усмехнулась Вера Андреевна.

Бывает молодые педагоги, что называется, косят под «своих в доску». Дескать, я свой, меня бояться не надо. Но "свой" очень быстро начинает понимать, что при таком раскладе ученики на счёт "раз" садятся на шею и попросту перестают воспринимать педагога всерьёз. Тогда наступает время для другой крайности. Надеваются ежовые рукавицы. Ребята, которых вдруг начали «строить», демонстрируют решительное сопротивление. Связь учитель – ученики рвётся навсегда.

Вера Андреевна не была вчерашней студенткой пединститута. Ни под кого не косила. С ней можно было поговорить, посмеяться, но зарываться никому не позволялось. Поэтому Веру Андреевну мы не просто уважали – любили.

– Слушайте, бездарный народ! – подал голос Степан Горшин, лишь только за математичкой закрылась дверь, – я уязвлён в лучших чувствах. Как, вы даже списать друг у друга не можете?

А давайте этой контрольной вернём Вере веру... – кто-то в классе засмеялся, а Стёпа продолжал, – веру в любимых учеников. Маша, сможешь достать карточки с заданиями контрольной?

– Легко, – откликнулась бойкая Маша Фёдорова, – Я видела, Вера часто раскладывает карточки на своём столе.

В один из дней брат как всегда привёз меня в школу. Я, попрощавшись с Гришей до вечера, поднялась на третий этаж, Длинный коридор, в самом его конце наш класс. Открываю дверь.

– Привет всем,

– О, ты уже пришла? – зазвучал на этот раз розовый голос моей подруги.

– А у нас тут новость. Машка достала карточки с заданиями контрольной. Мы всё переписали и уже вернули карточки Вере в кабинет...

Послышался звук открывающейся двери. Шаги.

– Кто-то пришёл?

– Да, это я.

Вульская.

Плевать на неё.

– Ну и как задания?

– Стёпа с Юлей всё решили. Там два варианта. Каждый переписывает оба на всякий случай, а на контрольной просто списываем в тетрадь решение своего.

– Представляю, как Вера упадёт. Весь класс напишет на пятёрки.

– Да она, конечно, догадается, что что-то не так, но зато не будет говорить, что мы даже списать не способны.

– Барсова и Кравчук! Извините, конечно, что я вмешива-

юсь в ваши разговоры.

Нет, что там ни говори, а голос у Вульской красивый.

– У нас есть имена.

– Спасибо, Наташа, я в курсе. Я только хочу сказать, что участвовать в ваших планах не намерена.

– То есть, ты не будешь пользоваться уже решёнными заданиями? – уточнила я.

– Разумеется, нет.

– Да и фиг с тобой. Кто бы сомневался, – подруга моя явно начинала злиться, – решай сама. Надеюсь, ты не собираешься предупреждать Веру?

До ответа Вульская не снизошла.

В тот же день выяснилось, что на контрольной будет присутствовать завуч.

Вера Андреевна казалась расстроенной. Ещё бы. Кому приятно, когда начальство стоит над душой. Но такое бывает, и мы особенно не напрягались. Одно дело ломать голову над неудобоваримой задачей, другое – просто аккуратненько переписать решение.

Урок начался. Завуч школы, Нина Ивановна, пришла, как и обещала. У Нины Ивановны голос был серый с металлическим отливом.

– Надеюсь, все готовы к предстоящей контрольной по алгебре?

– Мгм.

– Готовы.

– Да чего там, готовы, – ответили несколько человек.

Я молчала. Что-то тревожное шевельнулось в душе, хотя никакого Знания не было и в помине. Что ж, тревога перед контрольной – дело обычное.

Вера Андреевна раздала нам карточки. Мне достался первый вариант заданий.

Я пошарила рукой у себя в парте. Вот моя заветная шпаргалочка. Сейчас спокойно буду переписывать то, что нарешили наши замечательные математики Стёпа и Юля.

– Кому что непонятно в заданиях? – произнесла математичка дежурную фразу, – спрашивайте, пока не начали писать.

Мы ответили дружным «нет». Всем всё понятно.

– Ну, смотрите.

А чего смотреть? Алгебраические гении ни у кого из нас сомнения не вызывали.

И тут задвигался стул в ряду возле окна. Белое сияние ангельского голоса накрыло класс.

– У меня не вопрос. У меня предупреждение.

– Что случилось, Марина – холодно спросила Вера Андреевна. В отличие от других учителей, она никогда не обращалась к нам по фамилии. Вульскую она недолюбливала. Мы чувствовали это, хотя, конечно, антипатию свою учительница старалась не афишировать.

– О чём ты хочешь предупредить?

– О том, что сейчас все, кроме меня, приготовились спи-

сывать решения заданий с приготовленных шпаргалок. Я не хочу ябедничать за глаза. Это было бы подло. Я говорю при всех. Мало того, я заранее довела до сведения своих одноклассниц, Кравчук и Барсовой, что в некрасивых замыслах участвовать не буду.

Она вещала как диктор по телевизору. Если бы я плохо её знала, подумала бы, что текст речи был заранее подготовлен и тщательно выучен. Ни одной запинки.

– Я знаю, – продолжала Вульская, – ребята будут на меня обижены, но решила, что преподнести подобный урок необходимо для их же блага. Каждому человеку нужно знать, что поощрение всегда должно быть заслуженным. Иначе оно не имеет смысла.

Если бы не было завуча, Вера Андреевна так или иначе замыла бы эту историю. Поругала бы для вида, поменяла бы задания.

При сложившихся обстоятельствах двойки за контрольную получили все поголовно. Нет, вру, конечно. За исключением Вульской.

Несладко пришлось особенно тем, у кого по математике обычно были хорошие отметки.

Наташка, захлебываясь от рыданий, орала на меня:

– Где было твоё идиотское Знание? Что, что я буду делать с тройкой в четверти?

Ты-то сама худо-бедно на массажиста и так пройдёшь, а я в университет хочу.

– Да я-то тут при чём? Ты же знаешь, – это от меня не зависит.

– Тогда для чего и кому оно вообще нужно?

Я не знаю, кому моё Знание вообще нужно, не знаю и для чего. Почему иногда оно приходит, а иногда нет. Да и в этом ли дело?

Сегодня я пришла, как обычно, в школу, Гриша проводил меня до вестибюля, чмокнул в щёку. И тут раздался голос Вульской:

– Здравствуй, Милена!

В этот момент меня накрыло Знание. В конце этой недели эта самая Вульская, противно правильная и честная, ненавидимая всем классом, трагически погибнет.

Мы уже взрослые: 15-16 лет. Поэтому почти все приезжают в школу и уезжают домой сами. Поскольку у нас интернат и за нас отвечают воспитатели, для проформы родители пишут соответствующую бумагу, которая даёт воспитателю право отпускать учеников из школы без контроля. Моя мама такую цидулину не давала. Меня и привозит и забирает брат. Кажется, из-за этого одноклассники слегка меня презирают, но я не комплексую. Мне нравится ездить с Гришей в машине, пахнувшей дорогим парфюмом. Нравится забросить сумку с тетрадками на заднее сидение, пристёгиваться ремнём

безопасности и болтать не умолкая о пережитом дне.

Брат – самый важный человек в моей жизни. Думаю, даже в его друга Серёжу я влюбилась, потому что он Гришин друг.

Я всегда ревновала брата ко всем его девушкам, а их было немало. В Грише бездна обаяния. И как же меня бесило, когда Вульская, которая в обычное время иначе чем по фамилии меня не называла, в присутствии моего брата вдруг начинала отражать своим голосом солнечные лучи:

"Здравствуй, Милена!" "Как дела, Милена?" Хотелось взвыть и ответить гадостью.

– Почему ты каждый раз морщишься, когда эта девочка к тебе обращается? – однажды поинтересовался Гриша.

– Я её терпеть не могу. Она противная. Да её весь наш класс не переваривает.

– Да? А внешне ничего. Хорошенькая.

– Ну, значит, внешность обманчива.

Марина Вульская. Знание. В пятницу произойдёт нечто на ближайшей от школы остановке, и это нечто убьёт обладательницу белого голоса.

И что мне было с этим делать?

Подойти к Вульской и заявить: не ходи на остановку в пятницу. Иначе погибнешь. Какую арию она мне в ответ выдаст, даже думать не хочется. Да и правда, не пешком же ей идти домой.

Я решила поговорить с Наташкой.

– Что? Погибнет? Туда и дорога. Бог видит, кого обидеть.

– Да ты с ума сошла. Ты, значит, всё ещё не принимаешь моё Знание всерьёз. Иначе не могла бы так говорить.

– Милена, у меня сегодня что-то вроде свидания. Расскажу тебе потом. А Вульская... Ту контрольную я ей никогда не прощу.

Да, тогда с этой контрольной милая Мариночка настроила против себя всех.

– Гадина!

– Предательница!

– Сука!

Только Степан сделал попытку оправдать одноклассницу:

– Согласитесь, в этом что-то есть. Не захотела идти в общем строю, не побоялась выступить против класса. Она упорно отстаивает свою правду, свою мораль.

– Так можно было бы говорить, Стёпа, – возразила я, – если бы она сразу, ещё когда мы договаривались, сказала о своих намерениях. Так и так, ваша идея не вписывается в мои представления о морали и справедливости. Мы ведь спросили её. Выходило так, что она только сама не воспользуется решёнными заданиями. А она вон что сделала. Дождалась контрольной, испортила нам оценки в конце четверти. Поучить решила нас, убогих. Да и Веру подставила перед завучем. Смотрите, мол, что на её уроках делается. Стерва она стерва и есть.

Стерва, конечно.

Но как поступить мне? Наташкина резкость покорила.

Ведь она верит в моё Знание. Не может же человек с такой лёгкостью из-за паршивой двойки пожелать смерти другому человеку? Или мысли о будущем свидании просто не позволяет подруге по-настоящему задумываться о других проблемах? Хотя в чём-то Наташа права. Пусть всё будет, как будет. Почему нет? Я ведь могла и не знать о предстоящем несчастье. Буду жить дальше, как будто ничего не случилось, как будто ничего не знаю. Да я ведь и правда не знаю. Чувствую только, что должно произойти что-то. Как можно предотвратить то, о чём не имеешь ни малейшего представления. Когда беда с Вульской случится, кто с меня спросит? Никто.

Никто не спросит и никто не осудит.

Никто. Кроме меня самой.

И этот суд – я это понимала – будет самым строгим, самым неподкупным.

Глава 3

Во время уроков я сидела как на иголках, представляла наш класс без Вульской. Заманчивая картина выходила, прямо скажем.

Последним уроком у нас была биология. Вульская сидела прямо за мной. Я не выдержала, обернулась.

– Вульская, ты после уроков куда?

– Поговорим именно после уроков, Барсова.

Я скрипнула зубами. О чём я собираюсь говорить с этим роботом? Какое мне, вообще, до неё дело?

– О чём ты хотела меня спросить, Барсова – снизошла до меня Мариночка как только прозвенел звонок.

– Ты на двадцать шестом автобусе до метро «Восстания» едешь?

– Нет, иду пешком до метро «Красногвардейская». Не люблю автобусы. Почти никогда ими не пользуюсь.

– Правда? Я испытала смешанные чувства. Какое облегчение! В то же время никогда ещё моё Знание не подводило меня. Но ведь это совсем не означает, что этого не может произойти.

– А почему тебя это интересует, Барсова?

– Ну-у-у.... Григорий говорит, что у него сейчас очень загруженный график работы и не исключено, что на днях он не сможет за мной приехать. Я думала, что ты меня прово-

дишь до метро.

– Если хочешь, я могу тебя отвезти куда нужно, – подошёл наш одноклассник Тимур Орлов.

Мой беззаветный воздыхатель, между прочим.

– Спасибо, Тима.

– Но если тебе всё же понадобится моя помощь, обращайся, – проговорила Вульская.

– Да, да, спасибо, Марина, я знала, что могу на тебя положиться.

Неужели Знание мне всё-таки изменило?

А хорошо бы стать как все. Не прислушиваться к своему внутреннему голосу, не бояться дурацких наитий к месту и не к месту.

– Ты что такая, – спросил Гриша, когда мы ехали в машине.

А мне не хотелось ему рассказывать, хотя и надо бы, наверно. Брат скорее всего понял бы меня.

– Да день сегодня какой-то странный. На уроках никак не могла сосредоточиться.

– Не влюбилась случайно?

– Нет. Ты же знаешь, я люблю Серёжу.

– Наслышан, но, повторяю в сто пятый раз, всё это глупости. Выброси из головы,

Да, он именно в сто пятый – или не знаю уже какой раз! – это повторяет.

– Да почему глупости?! – как и всегда в таких случаях завелась я с полуоборота.

– Потому что жалко, что теряешь на этот бред свои душевные силы. У вас в классе вроде неплохие пацаны.

– У нас в классе пацаны хорошие, но если бы я влюблялась во всех, кто хороший! Мне нужен только Сергей. Ты же не побоялся тратить душевные силы на Гусю.

– На Галину, – тоже в какой уже раз одёрнул брат. Галя хорошая девчонка. Я никогда не жалел и не жалею, что она моя жена. К тому же она мать Антошки.

– То есть ты считаешь, что Сергей парень плохой.

– Прежде всего, Милена, – строгий голос брата уже набирал силы для того, чтобы стать сердитым, – Прежде всего, он не совсем парень, во всяком случае для тебя. Взрослый мужчина. Тебе не ровня.

– Ой-ой-ой! Простите пожалуйста. Так и ты не ровня. Тоже на четырнадцать лет старше.

– Я твой брат.

Мы помолчали. Тема разговора была неприятная, и в то же время мне не хотелось, чтобы наш спор закончился вот так, не на чём. Хотелось сказать то, что болело.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, Гриша.

Брат вздохнул. Понимал, наверно, о чём пойдёт речь.

– Ты считаешь, что Сергей мне не пара, потому что я сле-

пая.

Машина остановилась, Гриша повернулся ко мне. Потом проговорил жёстко:

– Да, это тоже имею в виду. Я верю, что ты найдёшь хорошего друга, возможно, мужа. Я даже не исключаю, что он будет с нормальным зрением. Что он будет любить тебя, оценив твой ум, душевные качества, красоту, в конце концов. Но это будет не Сергей. Не умею предсказывать в отличие от некоторых. Я просто логически мыслю. Серёжка – бабник. Он столько тёлок перебрал, что мне и не снилось.

– Ну, ясно. Ты ему просто завидуешь. А я не против стать его очередной, не женой, так любовницей.

Я зарвалась и понимала это.

– Вот тогда я лично ему все кости переломаю.

В общем, поссорились мы крепко. Мы почти всегда ссоримся, когда разговор заходит о Сергее.

Молча поднялись на лифте, дошли до нашей квартиры. Гриша открыл мне дверь и, не попрощавшись, ушёл.

Ушёл к своей Гусе.

Я не люблю свою невестку. Я вообще не люблю всех женщин, которые окружают моего брата, но невестка мне неприятна сама по себе. Я на дух не выношу её сюсюканий: «Милечка», «Миленочек», «Милюшечка».. Я уважаю своё имя и

мне претит, когда его коверкают или заменяют какой-нибудь несуразицей.

А ещё Гуся постоянно норовит меня обнять. Если бы я решила отплатить ей той же монетой, оказалась бы перед нешуточной проблемой. Невестка моя дама упитанная. И я бы не сказала, что в меру. Мне даже странно, что у братца оказался столь экзотический вкус.

Я от души хлопнула дверью квартиры. Пусть Гриша говорит, что хочет. Я всё равно верю, что моя любовь к Серёже когда-нибудь получит вознаграждение. Ну да, он из категории Дон Жуанов, но когда-нибудь он поймёт, что сильнее и преданней меня его не любит и не будет любить никто.

А что будет со мной, если он тоже найдёт какую-нибудь Гусю и решит жениться? Мысль показалась невыносимой.

Жалко, что ни разу меня не посещало Знание относительно Серёжи. А, может, и хорошо. По крайней мере, мечтать мне никто не запретит. И надеяться.

Я прошла на кухню. Открыла холодильник. Проверила рукой содержимое. Котлеты, макароны. Вообще-то я умею немного готовить сама, но раз это прекрасно делает мама, зачем утруждаться.

Я разогрела обед в микроволновке. Быстро поела. Приготовила еду для Ундины: в те же макароны с котлетой добавила немного бульона из супа. Не забыть отнести. Стала мыть посуду.

В дверь позвонили. Два коротких звонка. Открыла, не

спрашивая. Так звонит только наш сосед. Ромка!

– Привет. Ну что, идём?

– Куда? Ой! – Я пришла в ужас. Сама же просила Рому сходить со мной в магазин, купить подарок брату и, может быть, посмотреть что-нибудь к Новому году.

У Гриши 24 декабря день рождения. Через три дня. Мы с мамой решили подарить ему часы. Мама мне и деньги оставила. Я легко договорилась с соседом Ромой. Он хороший приятель. Всегда готов помочь. И вот надо же, совершенно вылетело из головы.

– Ромка, я сейчас!, – крикнула я, вбегая в свою комнату и, рывком открыв дверцу шкафа, стала кидать прямо на пол всё, что попадалось под руку: блузки, юбки, джинсы. В чём, в чём, а в тряпках отказа у меня не было. Одевать меня любит мама, которая в детстве, наверно, не доиграла в куклы.

Саму меня одежда интересует только в плане комфортно – некомфортно. Так, эти джинсы в прошлый раз ужасно испортили мне кровь. Очень уж тугая застёжка, а, может, это я поправилась. Кофточка хорошенькая, материал приятный на ощупь, но слишком длинные рукава. Мне постоянно хочется их засучить.

Наконец выбрала утеплённые брючки и джемпер. Переоделась. Привычным движением взяла со столика расчёску. Привела к порядку слегка взлохматившуюся причёску.

На ум пришли слова брата: «кто-нибудь оценит твой ум, душевные качества. Красоту в конце концов».

Мою? Красоту?

Что ж, я среднего роста с очень даже приличной фигурой. У меня маленький аккуратный носик, а глаза, наоборот, большие с длинными ресницами. Цвет помню серый с зеленью. Сергей как-то сказал про меня: «девушка с волосами цвета пшеницы и глазами цвета морской волны» Звучит неплохо, правда? Волосы спускаются на плечи мягкими локонами....

– Милена, ты где там? – Недовольный голос Романа из коридора заставил меня очнуться от внутреннего самолюбования. Балбесина! Ждёт же человек. Сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.